

ЧАСТНОЕ ПРАВО
JUS PRIVATUM

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.009-020

И. З. Аюшеева*,
Т. В. Сойфер**

К вопросу о доверии в гражданском праве

Аннотация. Трансформация общественной жизни, в том числе под влиянием процессов цифровизации и расширения возможностей удаленного взаимодействия, предопределяет изменение сущностных особенностей доверия, условий его формирования и выражения. Сегодня приоритетной задачей становится создание в цифровой сфере и вне ее среды доверия, обеспечивающей прогресс и развитие общества. Этому могут способствовать различные гражданско-правовые механизмы, в числе которых последовательная реализация принципа добросовестности, развитие института деловой репутации, формирование гражданско-правовых сообществ, включая виртуальные с особым характером взаимосвязей, совершенствование и расширение использования технологии блокчейн. Создание среды доверия должно способствовать реализации общедозволительного метода гражданско-правового регулирования отношений, в том числе возникающих в цифровой сфере. Определенные сложности связаны с тем, что понятие доверия в действующем законодательстве не раскрывается. Категория доверия в гражданском праве обычно рассматривается в узком смысле — применительно к случаям возникновения лично-доверительных отношений между субъектами при совершении ими фидуциарных сделок, хотя гражданскому праву известны также понятия фидуциарной собственности, фидуциарных обязанностей и ответственности. Доверие между участниками оборота предполагается, однако его низкий уровень влечет риски, связанные с выбором контрагента. В этой связи судебной практикой вырабатывается стандарт осмотрительного поведения, ожидаемого от разумного участника в сравнимых обстоятельствах, который учитывается в налоговых правоотношениях. Представляется, что в перспективе гражданское законодательство и судебная практика должны идти по пути совершенствования механизмов воздействия на общественные отношения, способствующих формированию среды доверия и защите участников гражданского оборота от недобросовестных и незаконных действий.

Ключевые слова: доверие; фидуциарная сделка; фидуциарная обязанность; добросовестность; цифровизация; кредитор; веритель; деловая репутация; должная осмотрительность; контрагент.

Для цитирования: Аюшеева И. З., Сойфер Т. В. К вопросу о доверии в гражданском праве // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 9–20. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.009-020.

© Аюшеева И. З., Сойфер Т. В., 2022

* Аюшеева Ирина Зориктуевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
aiusheeva@gmail.com

** Сойфер Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
tsoyfer@yandex.ru

The Issue of Trust in Civil Law

Irina Z. Ayusheeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
aiusheeva@gmail.com

Tatiana V. Soyfer, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
tsoyfer@yandex.ru

Abstract. Public life transformation, including transformation caused by digitalization processes and expansion of remote interaction capabilities, determines changes in essential features of trust and conditions for its formation and manifestation. Today, the priority task is to create an environment of trust in the digital sphere and beyond it to ensure progress and social development. Various civil law mechanisms can contribute to this, including consistent implementation of the principle of good faith, development of the institute of business reputation, formation of civil law communities, including virtual ones with a special nature of interconnections, improvement and expansion of the use of blockchain technology. Trust formation should contribute to the implementation of a generally permissive method of civil law regulation of relations, including those arising in the digital sphere. Certain difficulties are associated with the fact that the concept of trust is not disclosed in the current legislation. The category of trust in civil law is usually considered in a narrow sense in relation to cases of personal trust relations between subjects when they make fiduciary transactions, although civil law also knows the concepts of fiduciary property, fiduciary duties and responsibility. Trust between the participants of the civil turnover is assumed, but its low level entails risks associated with the choice of a counterparty. In this regard, judicial practice develops a standard of prudent behavior expected from a reasonable participant in comparable circumstances, which is taken into account in tax legal relations. In the future, civil legislation and judicial practice should follow the path of improving the mechanisms of influencing public relations, contributing to the formation of an environment of trust and protection of participants in civil turnover from unfair and illegal actions.

Keywords: trust; fiduciary transaction; fiduciary duty; integrity; digitalization; creditor; verifier; business reputation; due diligence; counterparty.

Cite as: Ayusheeva IZ, Soyfer TV. K voprosu o doverii v grazhdanskom prave [The Issue of Trust in Civil Law]. *Lex russica*. 2022;75(11):9-20. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.009-020. (In Russ., abstract in Eng.).

Доверие является важнейшей категорией, выступающей основой существования общества, обеспечивающей его самоорганизацию и развитие, установление социальных связей и их реализацию. В зависимости от механизмов формирования, выполняемых социально-психологических функций и иных факторов принято выделять различные виды доверия¹. При этом трансформация общественной жизни под влиянием объективных обстоятельств и современных тенденций предопределяет изменение сущностных особенностей доверия, условий его формирования и выражения. На современном этапе значительное влияние на категорию доверия оказывают процессы

цифровизации, предполагающие фиксацию и распространение данных в информационном пространстве. Новейшие технологии создают и всё более расширяют возможности удаленного общения и взаимодействия, в связи с чем сегодня приоритетной задачей становится формирование среды доверия в цифровой сфере и вне ее, обеспечивающей дальнейший прогресс и общественное развитие.

Доверие определяется как такое психическое состояние, в силу которого человек полагается на чье-либо авторитетное мнение, в связи с чем не осуществляет самостоятельное исследование вопроса, которое могло бы быть проведено². Понятие доверия раскрывается также

¹ См., например: *Леонова И. Ю.* Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 34–41.

² См.: *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1893. 499 с. URL: <http://rudictionary.com/brokgause/Doverie-101687.html#gsc.tab=0> (дата обращения: 30.08.2022).

как уверенность в добросовестности, искренности какого-либо субъекта, в правильности чего-либо³. При этом доверие обычно разграничивается с такими внешне сходными категориями, как вера и уверенность. В отличие от доверия, находящегося в компетенции человеческого познания, вера имеет иррациональный характер и находится за рамками фактических и формально-логических доказательств. Что касается уверенности, то она рассматривается как сознание собственной силы, истинности своего знания и правоте собственного поведения⁴.

Феномен доверия в общественных отношениях является объектом для изучения различными, прежде всего гуманитарными, науками; особое внимание его исследованию уделяется в социологии, психологии, экономике, политологии. По мнению большинства ученых, человеческие сообщества зависят от взаимного доверия, нуждаются в нем и не могут возникнуть, если оно отсутствует⁵. При этом под доверием понимается возникающее у членов сообщества ожидание, что все его члены будут вести себя предсказуемо, честно, с вниманием к окружающим и их нуждам, в согласии с общепринятыми нормами (отдельно отмечается, однако, что в некоторых сообществах может быть ожидание поведения предсказуемого, но нечестного, и это может привести к дефициту доверия)⁶. Доверие также рассматривается в качестве своеобразного залога будущих неопределенных действий других лиц, а его столпами признаются знания, информация о партнере, личный опыт, связанный с доверием (психологический аспект), правила культуры. В литературе выделяют три конструктивных элемента, основы, на которых опирается формирование доверия, — отраженная честность, субъективное доверие и культура доверия⁷.

В юридической сфере доверие приобретает особое значение, поскольку основанные на доверии (или недоверии) отношения имеют место на всех уровнях правовой материи, определяют

как сущность права, так и его содержательно-функциональные и формальные проявления⁸. Соответственно, доверие в гражданском праве, как и в праве вообще, является одной из ключевых категорий, лежащих в основе правового регулирования общественных отношений. Тем не менее легальное определение данного понятия отсутствует.

Используемый законодателем термин «кредитор» (от лат. *credo* — «верю») синонимичен понятию «веритель», применявшемуся в дореволюционный период. По сути, кредитор выступает субъектом, который доверяется должнику, полагаясь на добросовестное исполнение им своего обязательства, что позволяет кредитору надеяться на удовлетворение своего права требования. Исходя из этого, в обязательственных отношениях взаимодействие сторон — кредитора и должника — выстраивается на основании согласия и доверия, предполагается их сотрудничество и компромиссы, должен соблюдаться цивилизованный деловой этикет. В процессе реформирования в 2015 г. общих положений обязательственного права в п. 3 ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации было закреплено, что стороны обязательства при его установлении, исполнении и после прекращения должны действовать добросовестно, учитывать взаимные права и законные интересы, оказывать друг другу содействие, предоставлять необходимую информацию. Таким образом, принцип добросовестности, честности, солидарности и сотрудничества участников обязательственных отношений был закреплён нормативно и призван способствовать повышению уровня доверия в гражданском обороте. Разумеется, действие данного принципа не должно ограничиваться только сферой обязательственных отношений. Стабильность гражданского оборота в целом обеспечивается за счет добросовестного бесконфликтного поведения его участников, что служит основой общедозволительного режима правового регулиро-

³ См.: Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование: Оникс, 2012. 1375 с. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6771> (дата обращения: 30.08.2022).

⁴ См.: Тихонова Ж. К. Соотношение категорий «доверие», «вера», «уверенность в правовой интерпретации» // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1 (140). С. 502.

⁵ Цит. по: Штомпка П. Доверие — основа общества / пер. с пол. Н. В. Морозовой. М. : Логос, 2012. С. 20.

⁶ См.: Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : АСТ: Ермак, 2004. С. 52.

⁷ См.: Штомпка П. Указ. соч. С. 165.

⁸ См.: Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М. : Норма: Инфра-М, 2020. С. 7.

вания⁹. Представляется, что в этом широком смысле доверие должно в той или иной мере присутствовать между субъектами любых гражданских правоотношений, в том числе вещных, корпоративных, личных неимущественных, в противном случае стабилизация оборота станет весьма затруднительной.

Категория доверия в гражданском праве обычно рассматривается в узком смысле — применительно к случаям, когда придается значение лично-доверительным отношениям между субъектами при совершении ими так называемых фидуциарных сделок. Однако сама категория и сущность фидуциарных сделок в науке определяются неоднозначно¹⁰. К примеру, зачастую высказываются сомнения относительно возможности признания фидуциарным договора поручения, который традиционно считается относящимся к соответствующей категории. При этом одни авторы указывают, что лично-доверительный характер присущ только договорам поручения с участием граждан и не свойственен отношениям между юридическими лицами¹¹. Другие полагают, что договор поручения в принципе не обладает признаками фидуциарной сделки в ее классическом понимании¹².

Наряду с фидуциарными сделками, в праве выделяются категории фидуциарной собственности, фидуциарных обязанностей и ответственности. Как указывают исследователи, в правопорядках общего права признается, что доверенное лицо (управляющий, агент, консультант и т.д.) несет в отношении доверителя особые фидуциарные обязанности, в частности обязанности заботливости, преданности и предоставления информации. Правила о фидуциарных обязанностях направлены прежде всего на защиту интересов доверителя, который является слабой стороной в возникающих отноше-

ниях. Отмечается, что категория фидуциарных обязанностей уже применяется в российском корпоративном праве (отношения директора и юридического лица), а также обосновывается возможность ее применения в обязательственном праве¹³.

Отличительными чертами фидуциарности признаются высокая степень доверия, повышенная уязвимость кредитора из-за затруднительности защитить свои права в будущем и обязанность должника действовать, исходя из лучших интересов бенефициара. При этом выделение фидуциарных обязанностей связывается со спецификой содержания правоотношения, а также ответственности должника. Отмечается, что фидуциарная ответственность имеет особенности в перераспределении бремени доказывания, в отказе от причинно-следственной связи между нарушением фидуциарной обязанности и возникшим ущербом и отказом от доказывания его суммы¹⁴.

Следует согласиться с тем, что в связи с совершением фидуциарных сделок в гражданском праве всё же придается значение лично-доверительным отношениям между конкретными субъектами, что влияет на содержание правоотношений и предопределяет возможность формирования специфических фидуциарных обязанностей, особенность которых проявляется в том числе в специфике ответственности за их нарушение. Здесь необходимо отметить, что в подобных случаях доверительные отношения между субъектами подразумеваются или уже существуют и дополнительная проверка надежности контрагента часто не требуется. Например, доверительный характер отношений представительства предполагается, поскольку представляемый, наделяя представителя полномочиями действовать от своего имени, выбирает заслуживающую доверия кан-

⁹ См. подробнее: Голубцов В. Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex russica. 2019. № 8. С. 37–50. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.037-050.

¹⁰ См.: Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е. Проблема фидуциарности и фидуциарных сделок в гражданском праве России // Гражданское право. 2017. № 3. С. 20–25.

¹¹ См.: Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 2 / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М., 2005. С. 645 (автор — М. В. Кротов).

¹² См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая : учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. М., 2010 (автор — Ю. В. Байгушева) ; Парфенов Д. И. К вопросу о доверительном характере договора поручения // Политика и право. 2007. № 8.

¹³ См.: Махалин И. Н. Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия под маской английской шпионки // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 152–200.

¹⁴ См.: Зикун И. И. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность // Вестник гражданского права. 2017. № 3. С. 52–102.

дидатуру, заранее принимая последствия совершения представителем действий на основе предоставленных ему полномочий на свой счет.

Вне фидуциарных сделок, казалось бы, лично-доверительным отношениям не придается никакой роли, поскольку они утрачивают качество личных, а сама по себе степень доверия участников никак не влияет на правоотношения и на их содержание, на ответственность сторон. Наиболее точно эту ситуацию отражает правило: «Ничего личного, только бизнес». Однако, как отмечалось, доверие в той или иной мере должно присутствовать между субъектами любых гражданских правоотношений, иначе почти невозможной или существенно затруднительной станет их реализация из-за необходимости постоянного обращения к мерам государственного принуждения. При этом, безусловно, процесс формирования доверия и его характер не могут быть однородны в связи с различиями в категориях и статусе участников гражданских правоотношений.

В современных условиях развития новейших цифровых технологий, когда живое общение сведено к минимуму, личные связи между субъектами становятся всё менее тесными. Часто, вступая в правоотношения, участники лишены реальной возможности лично познакомиться с потенциальным контрагентом, проверить соответствие размещенных в информационной сети сведений реальности. Могут ли в таких условиях складываться доверительные отношения? Влияет ли степень доверия (высокая, средняя (обычная), низкая) на содержание правоотношений, условия и меры ответственности их сторон, основания освобождения от ответственности? Как взаимосвязаны категории доверия и риска, присутствующего при заключении и исполнении сделок в дистанционном формате? Способны ли институты гражданского права влиять на формирование среды доверия в обществе и, если это возможно, каким образом?

Доверительные отношения в условиях цифровизации приобретают особые качества, поскольку затрагивают не только близких и знакомых, но и неограниченный круг незнакомых друг с другом лиц. Например, в социальных сетях осуществляется взаимодействие

в виртуальной среде посторонних лиц; они ведут переписку, предоставляют информацию о своей семейной жизни, личных достижениях и проблемах и т.п. На страницы знаменитостей, популярных блогеров подписаны тысячи, а иногда и миллионы человек — фолловеров (от англ. follow — «следовать за кем-то»). Подписчики, доверяя блогеру, его авторитету и мнению, руководствуются его рекомендациями, в том числе касающимися необходимости приобретения товаров и услуг, что позволяет блогерам монетизировать свою деятельность, зарабатывая на размещаемой на своей странице рекламе.

В литературе отмечается, что в условиях снижения доверия к общественным и государственным институтам создание новой среды доверия на горизонтальном уровне является немаловажным для развития общества. Это изменение оценивается как революционное: происходит переход от локального (local) и институционального (institutional) доверия к распределенному (distributed) доверию в целом между членами общества¹⁵. Этот вид доверия имеет принципиально новый характер и квалифицируется как обусловленное, вынужденное доверие (enforceable trust). Технологии, обеспечивающие передачу значительных объемов информации и ресурсов, не предполагают ориентацию на индивидуальную честность и личные добродетели. Вынужденное доверие формируется на основе возможностей сетевого мира вынудить лицо соблюдать общие условия взаимодействия с другими, то есть возможностей группы регулировать поведение своих членов¹⁶. Эти особенности, в частности, влияют на установление и реализацию договорных связей в цифровой среде.

Представляется, что на современном этапе могут быть выделены различные степени доверия между участниками правоотношений — от высокого до низкого. На этой шкале наиболее высокий уровень доверия присутствует в отношениях, возникающих из фидуциарных сделок. Именно в рамках фидуциарных правоотношений появляются фидуциарные обязанности, предъявляются дополнительные требования к контрагентам, отношения между которыми носят личный характер. Сегодня такое понима-

¹⁵ Botsman R. Who can you trust? How Technology Brought Us Together and Why It Might Drive Us Apart. New York : PublicAffairs, 2017. P. 7.

¹⁶ См.: Барсукова С. Ю. Вынужденное доверие сетевого мира // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Barsukova_2001_2.pdf (дата обращения: 05.09.2022).

ние доверия как фидуции известно науке гражданского права.

Очевидно, что совершаемые в условиях цифровой экономики сделки в правовом аспекте не могут признаваться фидуциарными автоматически, они не носят лично-доверительный характер, в связи с чем большую актуальность приобретает исследование категории доверия в широком смысле, когда речь идет не о личных отношениях, а о доверии между неограниченным кругом незнакомых лиц и влиянии этой категории на содержание гражданских правоотношений.

Как отмечалось, обычный уровень доверия между кредитором и должником в обязательственных правоотношениях подразумевается. Так, заключая с должником договор, кредитор доверяет ему, надеясь на надлежащее исполнение им своих обязанностей. Свобода договора предоставляет сторонам возможность выбора контрагента. При изначальном недоверии друг к другу лица могут отказаться от заключения договора. Если доверие со стороны кредитора присутствует и договор заключен, кредитор принимает на себя не только риск неисполнения должником своих обязательств, но и иные правовые риски.

Сегодня в праве существенное значение придается понятию должной осмотрительности при выборе контрагента. Последствия нарушения своих обязанностей должником, совершение правонарушений действиями сторонами обязательства способны повлечь негативные последствия как в рамках гражданско-правовых отношений, так и в иных сферах, например в налоговых отношениях. Так, вверяя арендатору свое имущество во владение, арендодатель рискует утратить его навсегда: согласно ст. 302 ГК РФ, если имущество возмездно приобретено у арендатора, о чем добросовестный приобретатель не знал и не мог знать, то собственник не вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество выбыло из его владения по его воле. Выбытие имущества из обладания собственника по его воле подразумевается, если оно было передано на основании сделки как волевого акта. Соответ-

ственно, неосмотрительный выбор нечестного контрагента способен повлечь прекращение права собственности кредитора-арендодателя на принадлежащее ему имущество.

Проявление должной осмотрительности при выборе контрагента влияет на содержание правоотношений, возникающих в связи с уплатой налогов. В частности, суды признают неправомерным применение спорных налоговых вычетов, если будет установлено, что при выборе контрагента и заключении сделок налогоплательщик не проявил должную осмотрительность¹⁷.

В судебной практике предпринимаются попытки установить критерии определения должной степени осмотрительности при выборе контрагента. В связи с этим обращается внимание на соответствие цели сделки основному виду деятельности контрагента (например, если его основной вид деятельности в области права, а совершенная сделка связана с поставкой товара), на дату регистрации юридического лица — контрагента, наличие необходимых ресурсов для осуществления хозяйственной деятельности, отражение сделки в бухгалтерском учете. Имеет значение и личность руководителя — требует выяснения, реально ли руководитель осуществляет финансово-хозяйственную деятельность и подписывает документы от имени организации или нет и т.п.¹⁸

ФНС России определяет ненадежного контрагента (так называемую «фирму-однодневку») как юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности, как правило, не представляющее налоговую отчетность, зарегистрированное по адресу массовой регистрации и т.д.¹⁹

Таким образом, известное выражение «доверяй, но проверяй» сегодня приобретает особое значение и влияет на содержание правоотношений. В этом смысле категории доверия и риска оказываются неразрывно связанными.

С одной стороны, высокий уровень доверия, когда отношения приобретают лично-доверительный характер, повышает уровень риска максимально, поскольку предполагает пере-

¹⁷ См., например: определение Верховного Суда РФ от 24.02.2022 № 305-ЭС21-23560 по делу № А41-64995/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См., например: определение Верховного Суда РФ от 18.10.2021 № 310-ЭС21-18218 по делу № А36-7108/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Письмо ФНС РФ от 11.02.2010 № 3-7-07/84 «О рассмотрении обращения» // Официальные документы. 2010. № 9.

дачу контрагенту больших полномочий и возможностей, повышает уровень ожиданий от его действий. Снизить соответствующие риски призваны нормы, возлагающие дополнительные права и обязанности на стороны в рамках фидуциарных сделок с высоким уровнем доверия. При этом также предполагается, что столь высокий уровень доверия связан с тем, что контрагенты знакомы лично, знают профессиональные и иные качества друг друга, а потому готовы принять и принимают на себя повышенный риск неисполнения взаимных обязательств.

В отношениях с обычным (средним) или низким уровнем доверия, когда отношения не носят личного характера или контрагенты мало знакомы друг с другом, риск выбора ненадежного контрагента остается высоким. При этом, как правило, специальные нормы, призванные минимизировать указанные риски, отсутствуют, а потому следует руководствоваться общими законодательными правилами. В условиях цифровизации при отсутствии личных связей между незнакомыми друг с другом контрагентами уровень доверия, как правило, не бывает высоким, сделки не могут носить фидуциарный характер.

Как преодолеть невысокий уровень доверия и минимизировать риски выбора ненадежного контрагента?

Выше отмечалось наличие научных мнений о присутствии в основе доверия трех элементов: знаний, то есть информации о партнере; личного опыта, связанного с доверием; правил культуры.

В обычных отношениях между контрагентами наиболее важной является их проверка, получение информации о будущем партнере. Так, судебная практика по налоговым спорам исходит из того, что оценка проявления налогоплательщиком должной осмотрительности при выборе контрагента осуществляется исходя из

стандарта осмотрительного поведения в гражданском обороте, ожидаемого от его разумного участника в сравнимых обстоятельствах²⁰.

В гражданском законодательстве закреплён принцип добросовестности, а также презумпция добросовестности участников гражданского оборота и разумности их действий, что может существенно способствовать повышению уровня доверия между участниками гражданских правоотношений.

В доктрине отмечается, что в настоящее время правопонимание отходит от позитивистского подхода, основным методом толкования законов становится объективно-теологический метод, основанный на восприятии ценностей и потребностей общества, когда суды связаны не только законом, но и правовыми принципами и устоявшимися в обществе представлениями о справедливости²¹. В этом смысле закрепление принципа добросовестности в определенной степени должно влиять на изменение культуры поведения субъектов права, отход от распространенного когда-то правила торговли «не обманешь — не продашь»²².

Закрепление принципа добросовестности в отечественном гражданском праве, его конкретизация в п. 3 ст. 307 ГК РФ применительно к обязательственным отношениям привели к возрастанию значимости судебного толкования данных норм-принципов, оценке поведения сторон в каждом рассматриваемом деле не только исходя из буквы закона, но и в соответствии с морально-нравственными ценностями современного общества.

В связи с отсутствием в ст. 1 ГК РФ легального определения принципа добросовестности в судебной практике вырабатывается подход к его определению как одного из важнейших принципов гражданского права. В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой

²⁰ См., например: определение Верховного Суда РФ № 307-ЭС19-27597 от 14.05.2020 по делу № А42-7695/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4440dcb6-6f3f-450d-9b27-881c3894fd9c/c09e7a87-550d-4707-819a-92ea6b3299ac/A42-7695-2017_20200514_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.09.2022).

²¹ Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы / отв. ред. Е. Е. Богданова. М. : Проспект, 2018. С. 20 (автор главы — Е. Е. Богданова).

²² «В семидесятих годах еще практиковались бумажные подметки, несмотря на то, что кожа была недорога, но уж таковы были девизы и у купца и у мастера: “на грош пятаков” и “не обманешь — не продашь”» (Гиларовский В. А. Москва и москвичи. М. : Азбука, 2020. 448 с. (гл. «Под Китайской стеной»)).

Гражданского кодекса Российской Федерации»²³ добросовестным признается поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. При этом поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным по инициативе суда, даже если стороны не заявляли об этом, несмотря на закрепленную в законе презумпцию добросовестности. Суд вправе применить меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны.

Добросовестность из абстрактной этической категории в судебной практике превращается в критерий правомерности поведения субъектов гражданского права, что возлагает дополнительную ответственность на всех участников оборота, а также на суд, который оценивает и определяет параметры добросовестного поведения, исходя не из буквального толкования действующих норм, а в соответствии со сложившимися в обществе морально-этическими правилами поведения, нравственными устоями, представлениями о добре и зле²⁴. При этом данную возможность не следует отождествлять с безграничной свободой судебного усмотрения, с возможностью по собственному желанию или для удобства применять или не применять этот принцип при разрешении конкретных дел. Наоборот, оценка поведения сторон в качестве добросовестного или недобросовестного должна присутствовать при рассмотрении каждого дела, что возлагает дополнительные обязанности на суд и предъявляет повышенные требования к личности судьи, который должен обладать соответствующими нравственными качествами, позволяющими давать морально-этическую оценку поведению сторон, анализировать и оценивать необходимые доказательства, способствовать минимизации в обществе вариантов недобросовестного поведения субъектов гражданского права. Нечестное, недобро-

совестное поведение должно влечь для субъектов такие риски, которые бы нивелировали возможную сиюминутную выгоду от него, что будет способствовать стабилизации гражданского оборота и формированию среды доверия среди всех его участников. Решение этой задачи имеет существенное значение для развития социально-экономических отношений, особенно в условиях цифровизации, когда субъекты вступают в гражданские правоотношения дистанционно, посредством технологических цифровых платформ, а потому не могут оценить поведение контрагента в реальной жизни. И судебная практика играет в этом процессе ключевую роль.

Отношения, связанные с получением сведений о контрагенте до заключения договора, сегодня в определенной степени урегулированы нормами гражданского законодательства о переговорах о заключении договора (ст. 434.1 ГК РФ). Еще на стадии выработки направлений реформирования гражданского законодательства²⁵ подчеркивалась необходимость в целях предотвращения недобросовестного поведения на стадии переговоров о заключении договора предусмотреть в ГК РФ для отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, специальные правила о так называемой преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*).

В настоящее время положения, касающиеся регулирования отношений, связанных с привлечением сторон переговоров к ответственности на стадии до заключения договора, в том числе за предоставление недостоверной информации, включены в общую часть договорного права и применимы к любым субъектам, имеющим намерение заключить договор, а не только к предпринимателям (исключение в соответствии с п. 6 ст. 434.1 ГК РФ могут составлять граждане-потребители).

Что касается цифровой среды, то низкий уровень доверия в ней связан с наличием в виртуальном пространстве достаточно боль-

²³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

²⁴ Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития : монография / Е. Е. Богданова, Л. Ю. Василевская, Е. С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М. : Норма, Инфра-М, 2016. С. 10 (автор главы — Е. Е. Богданова).

²⁵ См.: п. 7.7 разд. V Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

шого количества недостоверной информации, «фейковых» аккаунтов и пр. Не всегда можно удостовериться в том, что контрагент реально существует, действует под собственным именем, его страница не взломана мошенниками. К примеру, весьма распространены в сети Интернет случаи взлома чужой страницы с целью дальнейшей рассылки друзьям сообщений с просьбой о пожертвовании денежных средств на определенные цели. Часто встречаются аккаунты, имя владельца которых не раскрывается либо является вымышленным. В связи с этим одной из основных и наиболее значимых задач является обеспечение условий для формирования и поддержания необходимого уровня доверия, повышающего активность лиц и снижающего уровень риска при совершении ими сделок в цифровой сфере.

В условиях цифровизации в целях формирования необходимого между лицами доверия используются особые средства. Так, проверка потенциального контрагента может сводиться к изучению его рейтинга (оценки) на информационной платформе. Указанный рейтинг основывается на отзывах об исполнителе, о продавце и предлагаемых им товарах. Собственный рейтинг могут иметь заказчик, покупатель — потребитель товара или услуги. Например, в онлайн-сервисах такси оценки выставляются как водителю, так и пассажиру. Новичку в некоторых случаях оказывают кредит доверия, выставляя высокие оценки, которые в дальнейшем корректируются в зависимости от реальных оценок потребителей. Пассажиры с высоким рейтингом имеют больше шансов заключить договор с наиболее опытным и вежливым водителем. В свою очередь, водители с высоким рейтингом имеют больше возможностей при распределении заказов. Например, согласно правилам сервиса «Яндекс.Такси» наличие определенного рейтинга требуется для получения заказов в тарифах выше, чем «Эконом»²⁶.

В мировой практике реализуется идея установления рейтинга для каждого участника пра-

воотношений, определяющего его правовой статус. Например, в Китае введен социальный рейтинг для физических и юридических лиц. Как отмечается в литературе, подобная система успешно работает при совокупности определенных условий (оцифровка большей части повседневной жизни гражданина, налаженный информационный обмен между источниками данных и единым центром их обработки, доверие граждан). В отечественном законодательстве содержится запрет на принятие решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта или иным образом затрагивающих его права и законные интересы, лишь на основании автоматизированной обработки персональных данных, за исключением некоторых случаев²⁷. Думается, при оценке поведения лиц, составлении различных рейтингов важнейшим является создание режимов, позволяющих исключить возможности нарушения принципа равенства субъектов гражданского права, необоснованного ограничения их гражданских прав, ущемления личных неимущественных прав, в частности на честь, достоинство, деловую репутацию.

На современном этапе уже выделяется категория «цифровое доверие» (digital trust), под которым понимается уверенность в создании безопасного цифрового мира²⁸, и реализуются мероприятия в целях формирования единой цифровой среды доверия. В их числе деятельность в направлении необходимой детальной регламентации правового статуса удостоверяющих центров и унификации требований к универсальной усиленной квалифицированной электронной подписи; расширения возможностей и способов идентификации; регламентации сделок, совершаемых в электронной форме и т.п.

Необходимо также учитывать, что в условиях цифровизации процесс взаимодействия существенно упрощается за счет использования специализированных технологических платформ, которые обеспечивают возможность совмест-

²⁶ URL: <https://pro.yandex.ru/ru-ru/moskva/knowledge-base/service-taxi/app/raiting> (дата обращения: 07.09.2022).

²⁷ См.: ст. 16 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

²⁸ *Frenehard T.* Building Digital Trust: What Does It Really Mean? // URL: <https://www.digitalistmag.com/finance/2019/10/29/building-digital-trust-what-does-it-really-mean-06201132/> (дата обращения: 30.08.2022) ; *Aiusheeva I. Z., Soyfer T. V.* Formation of the Environment of Confidence in Sharing Economy: Problems of Civil Regulation in Russia // *Independent Journal of Management & Production (IJM&P)*. V. 13, No. 4, Special Edition CIMEE — June 2022. P. s536–s559.

ного открытого потребления личных активов практически неограниченным кругом лиц. Это не только требует высокого уровня доверия в обществе, но и становится основой для его последующего роста²⁹. Чем больше пользователей имеют опыт успешного сотрудничества на базе новых технологий, тем большее число лиц впоследствии присоединяется к сообществу, сформированному цифровым сервисом.

Таким образом, сегодня формированию необходимого уровня доверия в общественных отношениях, в том числе в цифровой среде, могут способствовать, наряду с прочими, механизмы гражданского права, в частности более последовательная реализация прин-

ципа добросовестности; развитие института деловой репутации, в рамках которого может быть сформирован субинститут цифровой репутации³⁰; формирование гражданско-правовых, в том числе виртуальных, сообществ с особым порядком и характером взаимосвязей³¹; расширение использования технологии блокчейн в цифровой сфере. Дальнейшее совершенствование гражданско-правовых средств воздействия на общественные отношения с позиций общедозволительного метода правового регулирования будет способствовать созданию и поддержанию благоприятного климата доверия между их участниками, в том числе при их взаимодействии в цифровой среде.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аюшеева И. З. Виртуальные сообщества: проблемы определения гражданско-правового статуса // Закон. — 2022. — № 6. — С. 56–65.
2. Аюшеева И. З., Сойфер Т. В. К вопросу о правовой сущности цифровой репутации в сфере sharing есопому // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 11. — С. 115–125.
3. Барсукова С. Ю. Вынужденное доверие сетевого мира // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Barsukova_2001_2.pdf (дата обращения: 05.09.2022).
4. Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е. Проблема фидуциарности и фидуциарных сделок в гражданском праве России // Гражданское право. — 2017. — № 3. — С. 20–25.
5. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. — М.: Азбука, 2020. — 448 с.
6. Голубцов В. Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex russica. — 2019. — № 8. — С. 37–50.
7. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 2. — 4-е изд., перераб. и доп. / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.] ; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — М.: ТК Велби, Проспект, 2005. — 848 с.
8. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития : монография / Е. Е. Богданова, Л. Ю. Василевская, Е. С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л. Ю. Василевской. — М.: Норма: Инфра-М, 2016. — 192 с.
9. Зикун И. И. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность // Вестник гражданского права. — 2017. — № 3. — С. 52–102.
10. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. — М.: Норма: Инфра-М, 2020. — 192 с.
11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая : учебно-практический комментарий (постатейный) / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, К. М. Арсланов [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. — М.: Проспект, 2010. — 992 с.
12. Леонова И. Ю. Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. — 2015. — Т. 25. — Вып. 2. — С. 34–41.
13. Махалин И. Н. Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия под маской английской шпионки // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 1. — С. 152–200.

²⁹ Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva, 2016/ URL: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0005/3385454/Schwab-The_Fourth_Industrial_Revolution_Klaus_S.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

³⁰ Аюшеева И. З., Сойфер Т. В. К вопросу о правовой сущности цифровой репутации в сфере sharing есопому // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11. С. 115–125.

³¹ Аюшеева И. З. Виртуальные сообщества: проблемы определения гражданско-правового статуса // Закон. 2022. № 6. С. 56–65.

14. Парфенов Д. И. К вопросу о доверительном характере договора поручения // Политика и право. — 2007. — № 8. — С. 129–135.
15. Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы / отв. ред. Е. Е. Богданова. — М. : Проспект, 2018. — 416 с.
16. Тихонова Ж. К. Соотношение категорий «доверие», «вера», «уверенность в правовой интерпретации» // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 1 (140). — С. 501–503.
17. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — М. : Мир и образование: Оникс, 2012. — 1375 с.
18. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. — М. : АСТ: Ермак, 2004. — 730 с.
19. Штомпка П. Доверие — основа общества / пер. с пол. Н. В. Морозовой. — М. : Логос, 2012. — 440 с.
20. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1893. — 499 с.
21. Aiusheeva I. Z., Soyfer T. V. Formation of the Environment of Confidence in Sharing Economy: Problems of Civil Regulation in Russia // Independent Journal of Management & Production (IJM&P). — V. 13, No. 4, Special Edition CIMEE. — June 2022. — P. 536–559.
22. Botsman R. Who can you trust? How Technology Brought Us Together and Why It Might Drive Us Apart. — New York : PublicAffairs, 2017. — 336 p.
23. Eisenstadt Sh. N., Roniger L. Patrons, Clients and Friends. Cambridge University Press, Cambridge, 1984. — 352 p.
24. Frenehard T. Building Digital Trust: What Does It Really Mean? // URL: <https://www.digitalistmag.com/finance/2019/10/29/building-digital-trust-what-does-it-really-mean-06201132/> (дата обращения: 30.08.2022).
25. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. — Geneva, 2016.
26. Zippellius R. Introduction to German Legal Method. — Carolina Academic Press, 2008. — 180 p.

Материал поступил в редакцию 12 сентября 2022 г.

REFERENCES

1. Ayusheeva IZ. Virtualnye soobshchestva: problemy opredeleniya grazhdansko-pravovogo statusa [Virtual communities: problems of determining the civil legal status]. *Zakon*. 2022;6:56-65. (In Russ.).
2. Ayusheeva IZ, Soyfer TV. K voprosu o pravovoy sushchnosti tsifrovoy reputatsii v sfere sharing economy [On the legal essence of digital reputation in sharing economy]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;11:115-125. (In Russ.).
3. Barsukova SYu. Vynuzhdennoe doverie setevogo mira [Forced trust of the networked world]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Barsukova_2001_2.pdf (Accessed 05.09.2022).
4. Bogdanov EV, Bogdanova EE, Bogdanov DE. Problema fidutsiarnosti i fidutsiarnykh sdelok v grazhdanskom prave Rossii [Issue of fiduciary and fiduciary transactions in russian civil law]. *Civil Law*. 2017;3:20-25. (In Russ.).
5. Gilyarovskiy VA. Moskva i moskvichi [Moscow and Muscovites]. Moscow: Azbuka Publ.; 2020. (In Russ.).
6. Golubtsov VG. Otsenochnye ponyatiya v rossiyskikh kodifikatsiyakh grazhdanskogo prava [Evaluation concepts in russian codifications of civil law]. *Lex russica*. 2019;8:37-50. (In Russ.).
7. Valyavina EYu, Eliseev IV, et al. Grazhdanskoe pravo [Civil law]. In 3 vols. Vol. 2. 4th ed. Moscow: TK Velbi, Prospect Publ.; 2005. (In Russ.).
8. Vasilevskaya LYu, editor. Bogdanova EE, Vasilevskaya LYu, Grin ES, et al. Dogovornoe pravo Rossii: reformirovanie, problemy i tendentsii razvitiya: monografiya [Contract law of Russia: reformation, problems and development trends]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).
9. Zikun II. Konstruktsiya doveritelnogo upravleniya v grazhdanskom prave: nefidutsiarnaya fidutsiarnost [The construction of trust in civil law: nonfiduciary fiduciary contract]. *Civil Law Review*. 2017;3:52-102. (In Russ.).
10. Kokotov AN. Doverie. Nedoverie. Pravo [Trust. Distrust. Law]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).
11. Sergeev AP, editor. Abramova EN, Avershenko KM, Arslanov KM. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Chast vtoraya: uchebno-prakticheskiy kommentariy (postateyny) [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part Two: educational and practical commentary (annotated)]. Moscow: Prospect Publ.; 2010. (In Russ.).

12. Leonova IYu. Doverie: ponyatie, vidy i funktsii [Trust: definition, types and functions]. *Bulletin of the Udmurt University*. 2015;25(2):34-41. (In Russ.).
13. Makhalin IN. Doktrina fidutsiarnykh obyazannostey: zashchitnitsa doveriya pod maskoy angliyskoy shpionki [The doctrine of fiduciary duties: protector of the trust under the guise of an English spy]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*. 2020;1:152-200. (In Russ.).
14. Parfenov DI. K voprosu o doveritel'nom kharaktere dogovora porucheniya [On the issue of trust character of the commission contract]. *Politics and Law*. 2007;8:129-135. (In Russ.).
15. Bogdanova EE, editor. Reforma obyazatel'stvennogo prava Rossii: problemy i perspektivy [Reform of the law of obligations of Russia: problems and prospects]. Moscow: Prospect Publ.; 2018. (In Russ.).
16. Tikhonova ZhK. Sootnoshenie kategoriy «doverie», «vera», «uverennost v pravovoy interpretatsii» [The ratio of categories «trust», «faith», «confidence in legal interpretation»]. *Eurasian Law Journal*. 2020;1(140):501-503. (In Russ.).
17. Ozhegov SI. Tolkovyy slovar russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 28th ed. Moscow: Mir i obrazovanie: Onyx Publ.; 2012. (In Russ.).
18. Fukuyama F. Doverie: sotsialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. Moscow: AST: Ermak Publ.; 2004. (In Russ.).
19. Shtompka P. Doverie — osnova obshchestva [Trust is the basis of society]. Trans. from Polish. Moscow: Logos, Publ.; 2012. (In Russ.).
20. Entsiklopedicheskiy slovar F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [Encyclopedic dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. St. Petersburg: Brockhaus-Efron Publ.; 1893. 499 p.
21. Aiusheeva IZ, Soyfer TV. Formation of the Environment of Confidence in Sharing Economy: Problems of Civil Regulation in Russia. *Independent Journal of Management & Production (IJM&P)*. 2022;13(4):536-559. June 2022. Special Edition CIMEE.
22. Botsman R. Who can you trust? How Technology Brought Us Together and Why It Might Drive Us Apart. New York: PublicAffairs; 2017.
23. Eisenstadt ShN, Roniger L. Patrons, Clients and Friends. Cambridge University Press, Cambridge; 1984.
24. Frenehard T. Building Digital Trust: What Does It Really Mean? URL: <https://www.digitalistmag.com/finance/2019/10/29/building-digital-trust-what-does-it-really-mean-06201132/> (Accessed 30.08.2022).
25. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva; 2016.
26. Zippellius R. Introduction to German Legal Method. Carolina Academic Press; 2008.